

КОНСТАНТИН КОРОВИН

ШАЛЯПИН

Встречи и совместная жизнь

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
К68

Коровин К.

К68 Шаляпин : Встречи и совместная жизнь : [сборник] / Константин Коровин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 205 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-08743-0

Дружба Константина Коровина и Федора Шаляпина длилась почти сорок лет. Обладавший незаурядным писательским талантом, Коровин посвятил своему доброму знакомому книгу воспоминаний «Шаляпин: Встречи и совместная жизнь», где с редкой наблюдательностью, тонкостью и блеском воссоздал образ великого артиста. Эта книга, впервые вышедшая в Париже уже после смерти Шаляпина, — не только рассказ о горячо любимом друге, но и сборник воспоминаний о собственной жизни автора.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08743-0

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

К. А. КОРОВИН
(К его юбилею)

Было это в Нижнем Новгороде, в конце прошлого столетия, когда мне везло на знакомства. Служа в опере, я встретил там С. И. Мамонтова и много других замечательных людей, оказавших впоследствии большое и благотворное влияние на мое художественное развитие. Был обед у госпожи Винтер, сестры известной в то время певицы Любатович, певшей вместе со мною в мамонтовской опере. За столом, между русскими актерами, певцами и музыкантами, сидел замечательный красавец-француз, привлечший мое внимание. Брюнет с выразительными, острыми глазами под хорошо начерченными бровями, с небрежной прической и с удивительно эффектной шелково-волнистой бородкой в стиле Генриха IV.

«Какое прекрасное лицо! — подумал я. — Должно быть, какой-нибудь значительный человек приехал на выставку из Франции». За столом он сидел довольно далеко от меня и о чем-то беседовал со своей соседкой. Речи его мне не было слышно. И вот в тот момент, когда я хотел спросить, кто этот интересный француз, я услышал, как настоящим российским диалектом он обратился к кому-то с просьбой передать ему горчицу. Удивился и обрадовался я, что этакий красивый человек тоже вдруг русский.

— Кто это? — спросил я.

— Да это Коровин, Константин Алексеевич, русский талантливейший художник.

Помню, как я к концу обеда с кем-то поменялся местом и сел ближе к заинтересовавшему меня гостю. Вот

с этого вечера и до сих пор, а именно тридцать пять лет, продолжается наша ничем не омраченная дружба.

На днях в Париже друзья и почитатели будут праздновать его юбилей. Вот почему мне хочется поговорить о Коровине. Ну да, хоть и юбилей, а говорить я хочу просто и непринужденно, без церемоний и юбилейного пафоса.

Беспечный, художественно-хаотический человек, раз навсегда заживший в обнимку с природой, страстный охотник и рыбак, этот милый Коровин, несмотря на самые отчаянные увлечения глухарями, тетеревами, карасями и шелесперами, ни разу не упустил из поля своего наблюдения ни одного людского штриха. Ночами, бывало, говорили мы с ним на разные жизненные темы, спорили о том или другом художественном явлении, и всякий раз у меня было такое чувство, слушая его, точно я пью шампанское — так приятно кололи меня иголки его острых замечаний. Удивительный этот русский, показавшийся мне французом!..

Все, жившие и работавшие с Коровиным в России и за границей, знают, какой это горячий, нервный, порывистый талант. Многим, очень многим обязаны наши театры, начиная с оперы Мамонтова и кончая императорскими сценами, этому замечательному художнику-колористу. Превосходные его постановки известны всей российской публике, а лично я многому у него научился. И как это странно, что горячность и темперамент и смелый, оригинальный талант, этими качествами воспитанный, долгое время считался, писался и презирался, обозначаясь словом «декадент»!

Конечно, над этим мы в нашем интимном кружке художников, артистов и писателей, понимавших, что такое Коровин, очень весело смеялись. Какие мы устраивали из этого потешные игры! Бывало, соберемся и начнем изображать в лицах и «декадента», и тех, кто Коровина декадентом называл. Кто-нибудь из нас представлял Коровина, а другие представляли ареопаг интервьюеров и критиков, Коровина сурово допрашивающих, зачем и почему,

собственно говоря, вздумалось ему сделаться декадентом, а Коровин, «pour épater les bourgeois»¹, еще пуще декадентствует. Хохотали мы до слез.

Талант — талантом, заслуги — заслугами, а мы, его друзья и приятели, любили в Константине Алексеевиче его невероятный и бессознательный комизм. Суеверный человек Коровин! Забавно было видеть, как этот тонкий, остро глядящий и все глубоко постигающий художник до смехотворного ужаса боится... бацилл. Уезжая на охоту или рыбную ловлю, спокойнейшим образом залезает он спать в грязнейшие углы изб, и ничего — не боится заразы. А когда к нему в Москве придет с холоду мальчишка, шмыгающий носом, Коровин, испуганный, вне себя, закричит:

— Не подходи близко!..

И приказывает слуге немедленно принести одеколону.

Рассказать все чудачества этого милейшего комика нет возможности, но, чтобы установить во всей, так сказать, сложности художественный хаос его «хозяйства», достаточно заглянуть в его чемодан. В любое время — теперь, пять лет назад, десять, двадцать. Удивительно, как все это может сочетаться. Полуоткрытая коробка сардинок с засохшей в углу от времени сардинкой, струны от скрипки или виолончели, удочка, всевозможные краски, в тюбиках и без тюбиков, пара чулок, очки, оторванные почему-то каблуки от сапог, старые газеты, нанесенные на бумагу отрывочные записи, гуммиарабик или синдетикон, засохший василек, банка с червями, тоже уже засохшими, — словом... И не дай бог, если кто-нибудь ненароком переместит сардинки или червяков! Константин Алексеевич волнуется, кричит:

— Не устраивайте мне хаоса в моей жизни!

Веселые были наши рыболовные экспедиции. Собирались, бывало, с Серовым и Коровиным на рыбную ловлю. Целый день блаженствуем на реке. Устанем до сладостного изнеможения. Возвращаемся домой, в какую-ни-

¹ Чтобы уязвить мещан (*фр.*).

будь крестьянскую избу. Принесли рыбу, и после лучения ее ночью располагаемся на отдых. Серов поставил холст и весело, темпераментно, с забавной улыбкой на губах быстро заносит на полотно сценку, полную юмора и правды. Коровин лежит на нелепой кровати, устроенной так, что ее ребра обязательно должны вонзиться в позвоночник спящего на ней великомученика, у кровати — огарок свечи, воткнутой в бутылку, в ногах Коровина, прислонившись к стене, в великолепнейшем декольте, при портках — бродяга в лучшем смысле этого слова, Василий Князев. Он слушает, иногда возражая. Это Коровин рассуждает о том, какая рыба хитрее и какая дурачливее... Серов слушает, посмеивается и эту рыбную диссертацию увековечивает...

А бродяга Князев вкрадчивым тенором между тем говорит:

— Вы, этта, Коськянтин Алексеевич, на счет нашей, рассейской-то, рыбы рассуждаете. А вот случилось мне быть в Норвегии. Смешная это какая-то страна и грустная. Так что девицы, этта, и бабы усе больше ходят у церковь. А в трактире мужики сидят таково сумрачно и пьют усе пунш. Ну, а я — норвежская водка больно хороша, Коськянтин Алексеевич. <...> Вот я, окромя трактиров, хожу, этта, по городу. По бродяжьему моему положению одет, значить, я невзрачно и собираюсь с купцом ехать на пароходе по фиордам к нему на дачу — лососся, значить, ловить, ну и спиннинги ему заготовлять. Жду, значить, я этого купца на пристани и бутылку держу у себя в кармане — норвежская она, водочка-то... Хожу. Гляжу — какой-то человек, значить, этак пристально на меня глядит. Думал, может, знакомый какой — признать хочет. Ан, гляжу — нет. Что за напасть? А все смотрит. То в глаза поглядит, то на карман. Неловко стало. Я, значить, по мосточку на пароход. Человек за мной. Я по коридору — в уборную. Постоял там маленько. Думаю, пойду на палубу погляжу хозяина. Вышел из уборной — человек стоит! Хотел было с ним поговорить по-приятельски — не умею по-ихнему тала-

лакать. А тут хозяин, гляжу, идет. Где, говорю, прикажете расположиться? Хозяин, он мало-мало по-русски говорил — в России был. А вот, говорит, в нижнем этажике тринадцатый номер каюта есть для тебя. Номер-то не больно мне понравился, Коськянтин Алексеевич, иначе зашел. Кругло окошечко, гляжу, как раз над водой. Оглянулся в дверь, вижу — человек опять ходит и так, значить, заглядывает в комнату-то. Думаю, может, водку нельзя носить с собой. Спрячу-ка, думаю, под подушку. Положил я, этта, водку, захлопнул дверь, сел на кровать. Засвистел пароходишко-то, затрясся — поехали!.. Стал, открыл дверь — думаю, посмотрю: тут ли человек, аль нет? Никого. Ну, думаю, слава богу! Здохнул, вынул водочку, перекрестился, глотнул — кладу под подушку. Облокотился, гляжу в кругло-то окошко. Водичка такая прозрачная, чистая, пароходик идет так плавно, тихо... Гляжу, значить, да так и ахнул: матушки! (А уж вечерет.) Что это такое глядит, глазом-то глядит прямо на меня! Отпрянул уж я от окошка — как же человек-то?! Неужто пристроился снаружи в кругло окошко глядеть? Он самый и смотрит... Так верите, Коськянтин Алексеевич, обомлел весь, аж пóтом покрывлся. Да как стал приглядываться-то — здоровенный, гляжу, этакий язи-на приподнялся на плавниках-те, плывет этак за пароходом-то, да на меня через кругло-то окошко-то глазами-то, сволочь, и глядит!.. Вот, Коськянтин Алексеевич, какая рыба заграничная-то!..

Константин Алексеевич слушает, слушает, но, как дошло до «сволочи», не выдержал.

— Ну, брат Василий, это уж ты того, врешь! — говорит он с досадой, чувствуя, что охотничьими рассказами его-таки побил Василий Князев. — Все врешь, ни в какой Норвегии ты, брат, и отроду не бывал...

— Ну вот, Коськянтин Алексеевич, никогда-то вы ничему не верите...

Обиделся Князев. А Серов уже складывает полотно и, смеясь, замечает:

— Да, рыба заграничная, она, точно, дурачливее нашей.

Радостно и грустно вспомнить об этом далеком прошлом. Много, много уроков дало нам истекшее время. Удержим один из них — настоящее в искусстве переживает временные и случайные суждения. Вот ведь самая кличка «декадент» вышла, кажется, уже бесповоротно из моды, а чудесный талант замечательного российского художника Константина Алексеевича Коровина жив и здравствует.

Милый Константин Алексеевич, жду с нетерпением опять половить рыбу в наших дорогих сердцу российских прудах, озерах и реках!

Ф. И. Шаляпин